

Из-за столь неожиданного происшествия Сы Уцзюэ, который изначально планировал заночевать в поместье Лю, пришлось забрать пациента с собой в Старинную усадьбу сыхэюань семьи Янь. Выбор пал именно на традиционный дворик, а не на загородную виллу, только потому, что лечение старейшины Лю уже началось и доктор должен был ежеминутно следить за его состоянием.

Сы Уцзюэ не собирался деликатничать с семейством Лю и выставить им полный счёт за все силы и время, потраченные на спасение их главы.

События в доме Лю приняли слишком крутой оборот. То, что старейшину экстренно увезли в неизвестном направлении, не на шутку переполошило другие влиятельные кланы Столицы. О взрыве в жилом квартале и говорить нечего — подобное происшествие утаить невозможно, да и сами Лю, похоже, не стремились скрывать случившееся.

Янь Чуаньюнь, едва успевший приехать в офис, тут же получил известия. Узнав, что у Лю прогремел взрыв, он больше не мог усидеть на месте. Бросив все дела, он прыгнул в машину и помчался обратно.

По дороге Чуаньюнь отправил сообщение Сы Уцзюэ и быстро получил лаконичный ответ.

Поэтому, когда доктор вместе с пациентом переступил порог Старинной усадьбы сыхэюань семьи Янь и столкнулся с Янь Чуаньюнем, он ничуть не удивился.

После того как старейшину устроили в комнате, Янь Чуаньюнь произнес:

— Я уже позвонил Чжун Яну и остальным. Скоро они приедут и приступят к работе. Тебе сейчас точно понадобятся помощники.

Сы Уцзюэ кивнул:

— Я распорядился, чтобы с виллы прислали двоих сиделок.

— Нужен кто-то еще? — спросил Янь Чуаньюнь.

Доктор покачал головой:

— Нет, это просто лечение. Двух помощников вполне достаточно.

Сопровождал больного Лю Чжоу. Стоило ему передать деда с рук на руки, как он тут же уехал — не потому, что не хотел остаться, а потому, что в его собственном доме воцарился сущий хаос, требующий немедленного вмешательства.

Янь Чуаньюнь проследовал за Сы Уцзюэ в комнату старейшины и молча наблюдал за тем, как доктор одну за другой извлекает из тела старика серебряные иглы.

— Божественный доктор Сы, а когда старейшина Лю... когда он придет в себя?

— Если всё пойдет нормально, завтра утром. Как раз придут сиделки, и мы начнем следующий этап терапии.

Янь Чуаньюнь понимающе кивнул:

— Значит, старого господина действительно начали травить еще четыре года назад? И это дело рук того же мерзавца, что покушался на моего старшего брата?

Сы Уцзюэ упомянул об этом в переписке, и Янь Чуаньюнь, прочитав сообщение, до сих пор не мог оправиться от изумления.

— Да, — негромко отозвался Сы Уцзюэ. — Этот человек... мастерски владеет искусством ядов.

"И, скорее всего, он явился из моего прежнего мира, — мысленно рассуждал Сы Уцзюэ. — Старый знакомый, не иначе. Подозрения зародились еще тогда, когда я осматривал ноги Янь Ханя, но теперь они переросли в уверенность"

Однако делиться подозрениями насчет личности этого отравителя с Янь Чуаньюнем пока не следовало.

Сы Уцзюэ слегка опустил веки, скрывая промелькнувшую в глазах тень.

Янь Чуаньюнь не заметил его мимолетного замешательства. Нахмурившись, он задумчиво произнес:

— Похоже, этот кукловод метит очень высоко. Четыре года назад его целью стал старейшина Лю, теперь — мой брат. Оба принадлежат к верхушке столичной аристократии. И кто знает, скольких еще он успел отравить за это время? Иметь под боком такую змею смертельно опасно.

— Согласен, — кивнул Сы Уцзюэ и вдруг предложил: — Я сделаю несколько противоядных мешочков с благовониями. Заберешь их и раздашь близким родственникам. Пусть всегда носят при себе.

Лицо Янь Чуаньюня озарилось неподдельной радостью, но тут же сменилось секундным колебанием:

— Это не отнимет у тебя слишком много сил?

Доктор качнул головой:

— Я изготовлю тридцать штук. Пятнадцать заберешь ты, остальные пустим на продажу.

Янь Чуаньюнь широко улыбнулся:

— Отлично! После того, что случилось со старейшиной Лю, за этими мешочками выстроится очередь. Богачи душу продадут за такую защиту.

Конечно, приобрести это сокровище смогут лишь те немногие, кто находится на самой вершине социальной пирамиды.

Пятнадцать штук, которые достанутся семье Янь, с лихвой покроют нужды близких родственников, а оставшиеся можно использовать как бесценную разменную монету.

Когда эти мешочки станут вожделенным дефицитом, каждый подаренный экземпляр превратится в колоссальный долг признательности перед семьей Янь.

И Янь Чуаньюнь прекрасно понимал, что за этот щедрый жест Сы Уцзюэ его семья оплатит сторицей.

Пока семейство Лю спешно и жестко наводило порядок в собственном доме, слухи о произошедшем постепенно расползались по закрытым гостиним столичной элиты.

В особняке семьи Чжан старейшина Чжан и его сын Чжан Гэнчун уединились в кабинете для серьезного разговора.

— Отец, — встревоженно произнес Чжан Гэнчун, — если этот божественный доктор действительно поставит на ноги старика Лю, не означает ли это, что семья Лю... заключит союз с семьей Янь?

— Даже если они не станут полноценными союзниками, враждовать точно не будут, — со вздохом ответил старейшина Чжан. — Скорее всего, дело кончится тесным партнерством.

Чжан Гэнчун помрачнел:

— Но для нас это худший сценарий.

— Именно доктор Сы вскрыл этот гнойник, — продолжил старейшина. — Даже если старик Лю еще не пришел в сознание, Сы Уцзюэ для них уже спаситель. А значит, и Янь Чуаньюнь, который за ним стоит.

Чжан Гэнчун тяжело вздохнул, и в его голосе проскользнули нотки горького сожаления:

— Этот лекарь появился в самый неподходящий момент. Если бы он объявился на полгода раньше, разве стали бы мы разрывать помолвку?

Старейшина Чжан устремил глубокий, задумчивый взор за окно:

— Какой смысл теперь сокрушаться о том, чего не воротишь?

Чжан Гэнчун лишился дара речи. Лишь спустя минуту он неуверенно пробормотал:

— Но если семьи Янь и Лю объединятся против нас... Что нам делать? На семью Цзян в этом деле надежды мало.

Старейшина Чжан покосился на сына:

— И как тебе брак нашей Жуйя с Цзян Чао?

Чжан Гэнчун запнулся и недовольно поджал губы:

— Цзян Чао? Да он же безнадёжное ничтожество. Никчемный мальчишка, из которого никогда ничего путного не выйдет.

Старик Чжан вдруг коротко рассмеялся:

— Ничтожество? А когда вы все в один голос требовали разорвать помолвку с Янь Ханем, я ведь предупреждал: локти кусать будете. Ну что, пришло время раскаяния?

— Отец... — лицо Чжан Гэнчуна залило краской стыда, и он забормотал в оправдание: — Я тоже сомневался. Но мама и А-Хуа настаивали на своем. Кто же мог знать, что Янь Хань встанет на ноги? Я лишь не хотел губить счастье Жуйя. Как можно было выдать её за калек без будущего? Это же сломало бы ей всю жизнь!

Старейшина Чжан лишь презрительно фыркнул. Впрочем, этот смешок предназначался не столько сыну, сколько ему самому. Ведь в конечном итоге он уступил их давлению и лично приложил руку к этому постыдному разрыву, поставив на карту весь свой былой авторитет.

И теперь его репутация превратилась в прах. Если бы семья Янь покати́лась под откос, предательство семьи Чжан сошло бы им с рук. Но семья Янь выстояла и стала еще сильнее, сделав их семью посмешищем для всей Столицы.

Жалким, презренным посмешищем.

От этой мысли старейшина Чжан почувствовал невыносимую усталость. Он бессильно махнул рукой:

— Довольно. Иди к себе.

Видя подавленное состояние отца, Чжан Гэнчун хотел было сказать что-то ободряющее, но так и не решился. Он молча развернулся и покинул кабинет.

Вернувшись в спальню, Чжан Гэнчун застал супругу в самом дурном расположении духа. Обычно заботливый и мягкий муж тут же бросился бы утешать Ван Хуа и расспрашивать о причинах ее недовольства, но сегодня у него самого на душе скребли кошки, и утешать кого-либо не было ни малейшего желания.

Ван Хуа, заметив, что муж проигнорировал ее демонстративную обиду, разозлилась еще сильнее. Она решительно подошла к нему и встала прямо перед лицом:

— А-Чун, ты даже представить себе не можешь, какую наглость позволила себе эта выскочка, госпожа Нянь!

— Госпожа Нянь? — Чжан Гэнчун устало взглянул на жену.

В его голове тут же выстроилась цепочка связей: семья Нянь всегда ходила в подпевалах у семьи Цзян. После того как семья Чжан породнилась с семьей Цзян, их круг общения неизбежно пересекся с этими прихлебателями.

— Да, она самая! Жалкая челядь, живущая за счет милости семьи Цзян, а смеет плевать мне в лицо! Меня до сих пор трясет от злости!

Чжан Гэнчун выдавил кривую усмешку:

— И чем же она тебя задела?

Решив, что супруг разделяет ее негодование, Ван Хуа с жаром запричитала:

— Эта дрянь прилюдно заявила, что мы выставили себя последними подлецами, разорвав

помолвку ради собственной выгоды, а теперь пытаемся усидеть на двух стульях и заискиваем перед Янями! Я едва сдержалась, чтобы не вцепиться ей в волосы! Но хуже всего то, что при этом разговоре присутствовала госпожа Цзян. И она даже бровью не повела, притворившись, будто ничего не слышит! Она ведь свекровь нашей дочери! Как она могла допустить, чтобы её родственников так мешали с грязью?!

Взгляд Чжан Гэнчуна мгновенно заледенел:

— Хочешь сказать, мать Цзян Чао была там и промолчала?

— Вот именно! Моя дражайшая сваха и пальцем не пошевелила! Мне до слез обидно за Жуйя. Если бы этот паршивец Цзян Чао так настойчиво не увивался за нашей девочкой, умоляя о браке, разве отдали бы мы её в эту семейку? И что теперь? Свадьбу сыграли, а они уже умудрились подрасться! Жуйя в слезах вернулась в родительский дом, а от ее свекровь и весточки нет! Никакого уважения!

Чжан Гэнчун посмотрел на разгневанную жену и процедил сквозь зубы:

— А разве не ты громче всех кричала, что брак с семьей Цзян — предел мечтаний? Теперь локти кусаешь? Поздно.

Ван Хуа опешила. Только сейчас она осознала, насколько мрачен ее муж. В ее глазах тут же вспыхнули слезы, и она обиженно запричитала:

— Но я же... я же просто желала дочери счастья! Жуйя — наша перворожденная девочка, мы сдували с неё пылинки, растили как принцессу! Вспомни, в каком состоянии тогда был Янь Хань! Врачи в один голос твердили, что ему ампутировать ноги! Выдать нашу красавицу за калеку без будущего — и ради чего? Ради эфемерного благородства? Это сгубило бы её молодость! Кто мог предположить, что из ниоткуда выскочит какой-то пришлый лекарь и сотворит чудо? Я не могла этого предвидеть!

На самом деле Ван Хуа раскаивалась. Горько и давно. Но толку от этого запоздалого сожаления было мало — дочь уже была повязана узами брака.

Слушая жалобные стенания жены, Чжан Гэнчун почувствовал, как внутри закипает глухая ярость. Буквально четверть часа назад он сам приводил отца к тем же доводам, но сейчас оправдания супруги вызывали у него лишь острое раздражение.

— Раз не могла предвидеть — держи язык за зубами и терпи, — жестко оборвал её Чжан Гэнчун. — Цзян Чао — конченный ублюдок, который по пьяни поднимает руку на жену. И семейка у него соответствующая, без капли благородства. Ты сама толкнула Жуйя в этот омут, устраивая истерики и требуя немедленного разрыва с семьей Янь. Так что теперь пожинай плоды своего выбора и молча сноси любые насмешки.

За долгие годы совместной жизни Ван Хуа ни разу не слышала от мужа столь ледяного и резкого тона. Испуг смешался с глубокой обидой, и слезы хлынули из ее глаз бурным потоком.

— А-Чун, ты винишь во всём меня... Во всём винишь меня... — разрыдалась она, содрогаясь всем телом.

Вид рыдающей жены вызвал у Чжан Гэнчуна лишь прилив глухого раздражения. Не желая больше тратить силы на пустые утешения, он круто развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Оставшись в одиночестве, Ван Хуа разрыдалась в голос.

Она прекрасно знала, что с того самого дня, как Янь Хань встал на ноги, вся Столица тайно потешалась над глупостью семейства Чжан. Прежде, когда сплетни выбивали ее из колеи, муж неизменно находил ласковые слова поддержки. Но теперь даже он отвернулся и переложил всю вину на ее плечи. Раскаяние жгло ее изнутри, порождая слепую, ядовитую ненависть к Сы Уцзюэ.

"Если бы не этот проклятый знахарь, всё было бы иначе! Зачем только он явился в наш мир?!"

Тех, кто молился на появление Сы Уцзюэ, было великое множество, но ничуть не меньше было и тех, кто желал доктору скорейшей гибели. Впрочем, Сы Уцзюэ мало заботили чужие страсти. Он продолжал жить по собственному усмотрению, методично делая то, что считал нужным.

На следующее утро, как и предсказывал лекарь, старейшина Лю открыл глаза.

Дежуривший у постели санитар, присланный с загородной виллы доктора, тут же склонился над больным:

— Господин Лю, вы пришли в себя? Как вы себя чувствуете?

Старик медленно обвел взглядом комнату. Его взор был подернут дымкой растерянности.

Лишь спустя пару минут сознание вернулось к нему. Он заставил себя успокоиться и принялся молча изучать незнакомого человека и непривычную обстановку вокруг:

— Кто ты?.. И где я?

— Я ваш санитар, — мягко ответил мужчина. — Мы находимся в Старинной усадьбе сыхэюань семьи Янь.

"Божественный доктор Сы? — старик мысленно повторил имя, которое ни о чем ему не говорило. — Кто это такой?"

Слабым голосом старейшина Лю спросил:

— А где моя семья?

Неужели родственники упрятали его в какой-то частный пансионат для престарелых?

<http://bllate.org/book/18354/1925008>